

**ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени
доктора филологических наук Алпатова Сергея Викторовича
на тему: «Переводные памфлеты в русской рукописной и фольклорной
традиции XVIII–XX вв.»
по специальности 10.01.09 – «Фольклористика»**

Диссертационное исследование С.В.Алпатова посвящено важной и малоизученной теме – истории появления и «жизни» переводных западноевропейских памфлетов в русской устной и книжной культуре XVIII–XX вв. Автор ставит перед собой сразу несколько важнейших целей: «описать и систематизировать известные науке и новонайденные печатные, рукописные и фольклорные варианты исследуемых сатир; выявить отечественную и зарубежную предысторию, типологические соответствия и вероятные источники референтных текстов исследования; охарактеризовать формы и факторы эволюции переводных памфлетов в русской рукописной и фольклорной традиции XVIII–XX вв.; выявить уровни, векторы и механизмы интертекстуальных взаимодействий устных фольклорных, анонимных рукописных и авторских литературных произведений рассматриваемого круга в отечественном сатирическом дискурсе Нового времени; охарактеризовать жанровую природу исследуемых феноменов в ее исторической и социокультурной динамике».

Хочется отметить, что написанная на стыке литературоведения и фольклористики диссертация решает множество исследовательских задач: выявляются и описываются источники переводных памфлетов; исследуются (тоже в большой мере на открытом автором материале) переводы их на русский язык. Здесь С.В.Алпатов выступает в роли археографа, историка литературы и текстолога. Выявляются фольклорные и литературные контексты и прототексты из которых рождаются исследуемые памфлеты, описывается возможное влияние фольклорных текстов на формирование памфлетов и дальнейшее влияние исследуемых сочинений на фольклорную традицию. В

этой части работы мы наблюдаем фольклориста, блестяще владеющего инструментарием этой дисциплины. Эскурсы, в которых С.В.Алпатов пытается проследить дальнейшее существование – в XIX-XX вв. – не сюжетов уже, но моделей, мотивов и образов, либо заимствованных, либо, скорее, имеющих типологическое сходство с исследуемыми текстами, изобличает в нем специалиста в области типологии и исторической поэтики.

Столь многосторонние интересы и прекрасное владение методами разных филологических дисциплин, равно как и блестящее знание материала на английском, французском, немецком, польском, латинском языках, столь счастливо сочетающиеся в авторе диссертационного исследования, позволили ему создать действительно высоконаучное произведение и открыли перспективы для дальнейших изысканий в затронутой области.

Особого упоминания заслуживает то обстоятельство, что диссертация вводит в научный оборот двенадцать ранее неизвестных текстов, одиннадцать из которых даны в приложении.

Среди важнейших методологических основ рецензируемой диссертации нужно упомянуть теорию встречных течений, сформулированную А.Н.Веселовским. В поисках источников для заимствований, при изучении литературной и фольклорной предыстории анализируемых памфлетов, в ходе описания путей проникновения западных сочинений в русскую культурную среду и дальнейшего их существования в переводах С.В.Алпатов умело показывает, что в русской фольклорной и низовой книжной культуре послужило базой, встречным течением, необходимым для перенесения западных текстовых моделей на русскую почву и дальнейшего их там развития.

Так, весьма показательно выглядит история анекдота «Карты – мой календарь и молитвенник», который «представляет собой последовательную адаптацию (русификацию и фольклоризацию) сделанного на рубеже 1780–1790-х гг. перевода англоязычного памфлета о шотландском гренадере Ричарде Мидлтоне (ATU 1613 'Playing Cards are My Calendar and Prayer Book')». Перевод делался многократно, причем источники этих переводов тоже были

разными, а потому распространился в значительном числе версий, как устных, так и письменных. С.В.Алпатов выделяет при анализе несколько стадий формирования текста и его заимствования в другую среду: стадию *прототекста* (массовое синхронное бытование в ряде национальных литературных традиций Европы однотипных анекдотов о картах-«катехизисе»), стадию *многократных переводов* на русский язык указанных разноязычных источников, сосуществующих в общеевропейском сатирическом дискурсе на правах «общих мест»; стадию *авантекста* собственно фольклорной традиции – анекдотов о «солдатской библии»; стадию *сложения «канонических»* русскоязычных фольклоризованных списков анекдота «Солдатская Библия»; стадию массового *копирования и варьирования* указанных «канонических» версий сатиры в русской рукописной традиции; стадию широкого *устного бытования* анекдотов о «солдатской библии», которая характеризуется процессами радикальной трансформации структуры текста.

Этот анализ, проведенный на значительном количестве текстов трех сюжетных типов, пересекающихся сюжетно и даже структурно, дает нам довольно репрезентативную картину того, как проходила рецепция западных сатирических сочинений, с какой целью и по каким причинам они переводились, какие изменения вносились в текст, как они распространялись и как продолжили существование вплоть до наших дней (последнее подтверждается рядом записей из фольклорного архива Кафедры УНТ филологического факультета МГУ и из ряда других архивов).

Несмотря на в целом высокую оценку представленной к защите диссертации, хотелось бы высказать несколько замечаний частного характера, которые, надеюсь, окажутся небесполезны для дальнейшей работы над темой.

1. Опираясь ссылками на указатели сказочных сюжетов, С.В.Алпатов отсылает читателя то к СУС, то к АТУ, подразумевая, надо полагать, что атрибуцию русских сюжетов логичнее давать по русскому указателю, а западных – по западному. Между тем речь идет об одних и тех же сюжетах, помещенных в указателях (имеющих общую базу в указателе АТ) под теми же самыми

номерами, причем АТУ как позднейший из указателей содержит ссылки на СУС. Кажется, логичнее было бы давать все отсылки по современному указателю.

2. Обрисовывая культурный контекст, обусловивший активное восприятие, интенсивное усвоение и преобразование на русской почве заимствованного сюжета АТУ 1613 («Карты мой календарь и молитвенник»), диссертант приводит ряд книжных и фольклорных текстов, перекликающихся в той или иной мере с переводным памфлетом, что и обусловило популярность его перевода. Среди таких явлений упоминаются двухвековая на тот момент традиция игры в карты и тексты, «использующие одновременно паттерны каталога-пересчета и вопросно-ответного диалога». Среди последних С.В.Алпатов упоминает и Сказание о двенадцати пятницах (с. 69). Как кажется, здесь возобладало стремление автора привлечь как можно больше сопоставительного материала, даже если он не слишком близок основному объекту исследования. Едва ли известный апокрифический текст, в котором перечисляются 12 пятниц в году, в которые нужно поститься, каким-либо образом может быть соотнесен с анекдотом о картах, заменяющих молитвослов, более чем на том основании, что и в том и в другом упоминаются числа. Если привлекать сопоставительный материал лишь на таком основании, автору пришлось бы вспомнить и про, например, основанные на счете заговоры или детские считалки.
3. Стремление к предельной полноте обрисовки культурного контекста неоднократно вынуждает автора устанавливать недостаточно надежные (а подчас и совсем сомнительные) связи между анализируемыми текстами и другими явлениями культуры разных эпох. Еще один пример связан с поиском примеров в литературе XX в., где бы можно было увидеть «память жанра», отсылающую к третьему рассматриваемому памфлету – «Газете из ада»: «В отечественной литературе 1920-х гг. к сонму "внуков Сатаны", спекулирующих на социальных нестроениях советского общества и личных нравственных недостатках граждан, можно причислить "апостолов" Хулио Хуренито И.

Эренбурга, "детей лейтенанта Шмидта" и "сына турецкоподданного" И. Ильфа и Е. Петрова, "свиту" Воланда и "валютчиков" М. Булгакова» (с. 199). Нетрудно соотнести свиту Воланда с «внуками Сатаны», но утверждать подобное в отношении детей лейтенанта Шмидта, пусть и мнимых, кажется излишним и неоправданным.

4. Сами по себе интересные рассуждения автора про поговорки-подделки типа «Купишь уехал в Париж» или про устойчивый образ *голой* правды тоже кажутся не вполне уместными в связи с рассуждениями о топике «Газеты из ада» - слишком далеки эти тексты друг от друга.
5. Вызывает сомнение правомерность использования термина *архетипический* («Смысловое наполнение топоса в конкретной этнокультурной традиции и в конкретную эпоху определяется взаимодействием архетипического и актуального слоев» – с. 212; «Парижа в архетипической позиции богатого, престижного и вместе с тем недостижимого для адресата "райского" локуса» – с. 226 и др.). Не оговаривается, что следует понимать архетипом и на каком основании они выделяются.

В заключение хотелось бы сделать пару небольших уточнений. На с. 199 С.В.Алпатов небезосновательно рассуждает о фамилии Чарткова –персонажа гоголевского «Портрета». Дабы подчеркнуть «чертовщину», заложенную в фамилии героя, автор вынужден гласную букву из корня взять в скобки, пытаясь дать читателю понять, что это подмена другой гласной. Между тем столь сложный путь был проделан напрасно. Очевидно, Гоголь использует для деривации фамилии не русское, а польское слово с тем же значением – *czart*.

Рассуждая на с. 137 о латинской притче, в которой дьявол выдает 9 своих дочерей за представителей разных сословий, диссертант приводит эквивалент лексеме *сословие*, который, вероятно, должен быть отсылкой к оригиналу, но вместо латыни слово *сословие* дается по-французски (*états*).

Все указанные замечания не умаляют значимости диссертационного исследования. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В.Ломоносова к работам подобного

рода. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.01.09 – «Фольклористика» (по филологическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В.Ломоносова, а также оформлена, согласно приложениям № 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.

Таким образом, соискатель Алпатов Сергей Викторович заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.09 – «Фольклористика».

Официальный оппонент:

доктор филологических наук,
профессор факультета гуманитарных наук
ФГАОУ НИУ «Высшая школа экономики»
Мороз Андрей Борисович

06.11.2018



Контактные данные:

тел.: (495) 772-95-90, e-mail: abmoroz@hse.ru

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

10.01.09 – «Фольклористика»

Адрес места работы:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20
ФГАОУ НИУ «Высшая школа экономики»,
факультет гуманитарных наук
тел.: (495) 772-95-90, e-mail: fgn@hse.ru

Подпись сотрудника ФГАОУ НИУ
«Высшая школа экономики»

А.Б.Мороза удостоверяю:

Менеджер отдела
Мороз А.Б.

